

МИФЫ ТАННЕНБЕРГА

(см. илл. на 8-9 стр. цв. вкладки)

*Светлой памяти
моего отца
Виктора Ивановича
Акунова посвящается*

Небезызвестному советскому историку 20-х-30х гг. XX в. Михаилу Покровскому принадлежит крылатое изречение: «История – это политика, опрокинутая в прошлое». В определенном смысле это действительно так. Наглядным примером служит хотя бы безмерно мифологизированная (если не сказать - фальсифицированная!) из «патриотических» (то есть националистических) соображений поколениями позднейших – прежде всего, польских - историков, а пуще того – исторических романистов (на фоне которых выделяется, в первую очередь, нобелевский лауреат Генрик Сенкевич, со всей силой, бесспорно, присущего ему незаурядного литературного таланта, средствами готического «романа ужасов» заклеивший орденских рыцарей как законченных садистов, преисполненных сатанинской гордыни и ненависти к пруссам и полякам и при первой же возможности подвергающих их изощреннейшим пыткам) – летопись борьбы военномонашеского Тевтонского (Немецкого) Ордена с Польшей и Литвой, в особенности же ее кульминации - решающей битвы, разыгравшейся 15 июля 1410 г. на равнине между селениями Грюнфельде и Танненберг.

Мифы начинаются с названия места битвы. Поляки упорно именуют его «Грунвальд». По-русски это слово звучит как «Грюнвальд», что буквально означает по-немецки «Зеленый лес» (по-литовски – «Жальгирис»). Между тем, **никакого «Грюнвальда» ни в означенной местности, ни поблизости, ни на сто верст вокруг нет и никогда не было**, хотя одно из расположенных поблизости селение именовалось Грюнфельде, то есть буквально «Зеленое поле» (а не «лес»), а другое – Танненберг (буквально – «Еловый лес»). Поэтому орденские и позднейшие немецкие историки именуют интересующее нас сражение «битвой под Танненбергом», что, в свете вышеизложенного, представляется вполне логичным.

Второй миф заключается в численности вооруженных сил противостоящих сторон, сошедшихся в смертельной схватке на Танненберском поле. Средневековые хронисты в подобных случаях часто грешат преувеличениями. Так, французский хронист Монстреле (завершивший известную хронику Фруассара), утверждал, что под Танненбергом войско короля Польши составляло 600 000 (!) человек, что в битве погибло более 60 000 (!) воинов с обеих сторон и т.п.; в немецкой «Любекской хронике» войско противников Ордена исчисляется в... 5 000 000 (!) конных и пеших

воинов, и т.д. Но и маститые советские историки еще сравнительно недавно всерьез утверждали, что силы Тевтонского Ордена под «Грюнвальдом» составляли, якобы, более 40 000, а силы «славянской» антиорденской коалиции – до 90 000 конных и пеших бойцов!

Между тем, совершенно ясно, что таким громадным полчищам на поле битвы под Танненбергом было бы негде развернуться, да и набрать их у противоборствующих сторон не было никакой возможности.

Ныне считается доказанным, что войско Тевтонского Ордена и его союзников насчитывало около 12 000, а войско антиорденской коалиции – до 20 000 воинов.

Третий миф заключается в утверждении о том, что война 1410-1411 гг. была «борьбой славян с агрессией немецких феодалов». Тут прежде всего следует заметить, что главным объектом борьбы являлась не какая-то населенная славянами земля, а Самогития – обширная и совершенно неосвоенная территория (именовавшаяся по-литовски «Жемайте», а по-польски «Жмудь»), дарованная Тевтонскому Ордену Великим князем («королем») Литовским Миндовгом (Миндаугасом) и населенная совершенно дикими языческими племенами, о которых современные им хронисты пишут, совсем как о гуннах и прочих варварах, как о «низкорослом народце, одетом в звериные шкуры, на маленьких, крепких мохнатых лошадах», сообщающая еще немало «трогательных» подробностей в том же роде. Судя по сообщениям летописцев, жмудины жили в основном грабежами поляков и своих же, несколько более цивилизованных (и, во всяком случае, официально считавшихся окрещенными) ближайших родичей-литовцев, при каждом набеге «ополняясь челядью» (то есть, захватывая пленных и обращая их в рабов) и находя особое удовольствие в том, чтобы приносить пленных христиан в жертву своим поганским идолам (обычно жмудины «жрали» своим «божествам», поджаривая пленников на медленном огне или подвешивая их за ноги к ветвям «священного» дуба).

В данном случае слово «поганский», или «поганый», является отнюдь не оскорбительным эпитетом, а всего лишь заимствованным из латинского языка термином, которым обозначалось языческое население (преимущественно сельское), начиная с первых веков распространения христианства. Слово «пагус» означает по-латыни «сельский округ», отсюда «паганус» - «сельский житель», «селянин» (исторически христианство распространилось прежде всего среди более культурного городского населения, в то время, как менее развитые в умственном и других отношениях селяне еще долго «пням молились»). А от «паганус» происходят и русские «поганец», «поганый», «поганский» и «погань». Впрочем, гораздо важнее, в свете мифа о «борьбе славян с немецкой агрессией» представляется даже не то, что жмудины были «погаными», а то, что они, подобно всем своим сородичам – голяди, пруссам, деремеле и ятвягам – **вовсе не были славянами**, а принадлежали к числу народностей балтийской языковой семьи. **Не были славянами и ближайшие родственники жмудинов – литовцы (летувисы).**

Правда, в состав тогдашнего Великого княжества Литовского входило и немало бывших земель Киевской Руси, захваченных после татарского погрома литовскими князьями и населенных, вне всякого сомнения, славянами. Но как раз этим-то населенным славянами землям никакая агрессия со стороны Тевтонского Ордена («по самые уши» увязшего в Самогитии и с величайшим трудом удерживавшего под своим контролем беспокойную литовскую границу), а тем паче - со стороны «немецких феодалов» никогда не угрожала (как говорится, «где именье – где вода!»). Так что одним мифом меньше!

Что же касается национального состава войска, приведенного под Танненберг польским королем Владиславом Ягелло (окрещенным незадолго перед тем литовским князем Ягайлой – смертельным врагом Московской Руси, «чуть-чуть» запоздавшим прийти на помощь Мамаю на Куликовом поле!) и его «заклятым другом» и кузеном Великим князем Литовским Витовтом (у которого братец Ягайло укукошил родного батюшку Кейстута, так что сам Витовт с величайшим трудом сумел вырваться из «братского» плена и сбежать под защиту Тевтонского Ордена, переодевшись в женское платье!), то это якобы «славянское» войско в действительности состояло из представителей чертовой дюжины разных народностей – литовцев, жмуудинов, армян, караимов, валахов, татар, молдаван-бессарабов, венгров, кашубов и многих других – хотя были, конечно, в его составе и славяне – поляки, воины из западнорусских земель и отряды моравских, силезских и чешских наемников (в числе последних - будущий гуситский полководец Ян Жижка из Трокнова – грозный вождь еретиков-таборитов, велевший после смерти содрать с себя кожу на барабан, под грохот которого табориты шли в бой против воинов Креста). Армянские наемники (как пехотинцы, так и конники) в описываемую пору ценились весьма высоко – недаром ордынская армия Мамаю ордынская армия Мамаю в битве на Куликовом поле включала в свой состав «арменские» наемные отряды!. Караимов (иудеев тюркского происхождения, признававших Тору, но отрицавших Талмуд) Витовт привел из своего крымского похода и поселил в Тракае (Троках); с тех пор караимы составляли нечто вроде лейб-гвардии литовского Великого князя. Татарская конница Витовта (3000 сабель) под предводительством хана Джелал-эд-Дина представляла собой внушительную военную силу, а отнюдь не «вспомогательные части», как утверждали советские историки, позволявшие себе говорить о «малонадежной татарской коннице» (и это в начале XV века, всего пару лет после сокрушительного разгрома гигантской армии Витовта – в которую, между прочим, тогда входил и контингент войск Тевтонского Ордена! – этими же самыми «малонадежными татарскими конниками» в битве на Ворскле в 1399 г.)!

Впрочем, национальный состав армии «немецких агрессоров» на поверку оказывается еще более пестрым. **Верховный магистр** (Гохмейстер) Тевтонского Ордена брат Ульрих фон Юнгинген (которого у нас также по непонятным причинам почему-то именуют «**Великим магистром**»!) привел под Танненберг представителей **22 народностей**.

Сразу оговоримся – были среди них, конечно, и немцы. Но «немцы» в **средневековом** понимании этого слова, то есть члены Ордена и их союзники из числа подданных «Священной Римской Империи германской нации» (не являвшейся, по выражению Карла Маркса, ни «священной», ни «римской», ни «германской», ни даже «империей» - естественно, с нынешней точки зрения!), в том числе **фризы, голландцы, фламандцы, валлоны, бургундцы, люксембуржцы, швейцарцы, австрийцы**, и опять-таки **чехи, силезцы, моравы**. Эти «братья-славяне» сражались под Танненбергом с **обеих** сторон. Хотя, конечно, с «современной патриотической» точки зрения, им надлежало бы сражаться на стороне «немецких агрессоров». Ибо **Чехия** (Богемия) **входила** в тогдашнюю **«Германию»** («Священную Римскую Империю германской нации»), а **чешский король** Вацлав (Венцель) даже **являлся Императором** этой самой **«Германии»** (правда, он был из рода герцогов Люксембургских, но все-таки!).

В армии Тевтонского Ордена имелась целая «хоругвь Святого Георгия», состоявшая из чужеземных рыцарей (сопровождавшихся, естественно, соответствующим количеством оруженосцев, воинов, конных и пеших слуг), как встарь, прибывших на зов Верховного магистра, в качестве добровольцев-«пилигримов» со всех концов Европы. До конца XIV в. именно эти добровольческие контингенты крестоносцев составляли основную массу и ударную силу, с помощью которой осуществлялась христианизация Пруссии и Литвы. Братья-рыцари Тевтонского Ордена были слишком малочисленны, чтобы проводить эту работу собственными силами. Достаточно сказать, что даже в решившей во многом судьбу Ордена **битве под Танненбергом** число **самих тевтонских рыцарей** (единственных, кто имел право носить белый плащ с черным крестом) не превышало **250** (из них **203** пали в бою)!

После разрекламированного в 1389 г. на всю Европу крещения Литвы (до подлинной христианизации которой было еще очень далеко!) число добровольцев, желающих участвовать в вооруженных набегах («рейзах») Ордена на Литву резко снизилось. В результате Тевтонскому Ордену пришлось прибегнуть к помощи наемников, которые обходились весьма недешево. Орденская казна, не рассчитанная на столь высокие расходы на оборону, очень скоро стала истощаться. Орденскому правительству пришлось вводить все новые и новые налоги и подати, от которых его подданные и вассалы, в том числе города, раньше были освобождены, что вызвало среди них недовольство и даже волнения. Вот к чему привели известие о крещении Литвы и вызванный им спад крестоносного энтузиазма! Далеко не всякий европеец оказался на поверку безжалостным и одержимым лишь жадной убийств и наживы «псом-рыцарем», готовым riskнуть спасением своей души, подняв меч на вчерашнего литовского язычника, ныне ставшего его братом во Христе!

А ведь до той поры вооруженное «паломничество» в Землю Пресвятой Девы Марии (Пруссию и Прибалтику) считалось не менее достойным и богоугодным делом, чем «странствие» в Святую Землю (Сирию и Пале-

стину), а посвящение в рыцари на поле боя с прусскими «сарацинами» (именно так именовались язычники-пруссы в одном из папских посланий Тевтонскому Ордену!) – ничуть не менее почетным, чем у иерусалимского Гроба Господня! Участвовать в «рейзах» тевтонских рыцарей почитали за честь и польские князья Конрад Мазовецкий и Святополк Поморский, и наследник английского престола принц Генри Дерби (будущий король Генрих IV Ланкастерский), и чешский король Оттокар II Пшемьсл (основатель очередного «оплота германской агрессии против славян» - Кенигсберга, давший новому городу в качестве герба свою корону и чешского льва!), и король Венгерский, и граф Голландский, и французы герцог де Бурбон и маршал Бусико, и граф Голштинский (все – участники только одного «паломничества» тевтонских рыцарей в Литву в 1344 г.!).

Да и какая «немецкая» (то есть национальная) экспансия могла исходить от Тевтонского Ордена – сообщества подчиненных исключительно римскому папе рыцарей-монахов («Божьих дворян» - по выражению средневековых русских летописцев!), не имевших ни имущества, ни семей, ни потомства, чьи прусские и прибалтийские владения не являлись частью даже того «германского» горе-государства, о котором шла речь выше! Правда, с должностью тевтонского Верховного магистра был неразрывно связан титул князя «Священной Римской Империи германской нации», но лишь в части тех орденских владений, которые в эту «империю» входили!

А вот подчиненность Тевтонского Ордена римскому папе была совершенно однозначной, так что, в свете отнюдь не национальных, а наоборот, наднационально-универсалистских претензий папского престола Орден никак не мог являться орудием агрессии какой-либо «национальности» или «национального государства» - даже если бы «Священная Римская Империя» являлась таковым (а она таковым не являлась)!

Кроме подданных этой «империи» и наемников, сражавшихся за плату (упомянутых выше чехов, силезцев и моравян, 2000 генуэзских арбалетчиков и английских лучников и пр.), в составе орденского войска под Танненбергом ратоборствовали венгерские, французские, английские, шотландские рыцари. Летописцы сохранили для нас имена особенно прославивших себя доблестью на поле брани «гостей» (союзников) Ордена Пресвятой Девы Марии – знатного нормандца сира Жана де Ферьера, сына сеньора де Вьевилля, пикардийца сеньора дю Буа д'Аннекена, венгерского графа-палатина Миклоша Гарая, трансильванского (семиградского) воеводы Стибора, приведшего под Танненберг 200 отборных воинов, и многих других. Немалую часть «гостей» Ордена составили рыцари-крестоносцы из различных германских земель – главным образом, Швабии, Фрисландии, Баварии и Вестфалии.

Большинство рыцарей-крестоносцев, прибывших на помощь Ордену из австрийских земель, сражались не в составе «иностранной» хоругви Святого Георгия, а под знаменем своего земляка – Великого комтура Тевтон-

ского Ордена брата Конрада фон Лихтенштейна – «правой руки» Верховного магистра Ульриха фон Юнгингена. Кстати, хоругвь Великого комтура, под которой бились австрийские рыцари, представляла собой точную копию красно-бело-красного австрийского знамени, история возникновения которого теснейшим образом связана с Крестовыми походами. Согласно старинной легенде, австрийский герцог Леопольд VII, участник III Крестового похода, после взятия штурмом мусульманской крепости Акры (Акконы) оказался настолько залит своей собственной и вражеской кровью, что его белое полукафтаные-сюрко, надетое поверх доспехов, стало красным от крови, за исключением белой полосы, образовавшейся в том месте, где полукафтаные было прикрыто поясом с ножнами меча. Так, по легенде, родилось красно-бело-красное австрийское знамя.

Не следует также забывать о многочисленном контингенте «пруссских рыцарей» - вассалов, или ленников, Тевтонского Ордена, являвшихся по томкам окрещенных и со временем ассимилировавшихся знатных пруссов («больших свободных»), наделенных Орденом земельными угодьями и обязанных за это являться в случае войны по призыву Магистра «людно, конно и оружно». Орденская пехота также состояла в основном из сельского ополчения «малых свободных» пруссов, сражавшихся в пешем строю, а также из контингентов епископов орденских владений и из отрядов, присланных купцами и бюргерами городов, расположенных на территории прусского «орденского государства». Из числа последних славой особо искусных бойцов пользовались данцигские моряки, не знавшие себе равных в искусстве владения боевым топором.

Но самым интересным – с точки зрения правдивости тезиса о «борьбе славян с немецкой агрессией»! (кстати, давно пора было оговориться, что в 1410-1411 гг. имела место только одна агрессия – вторжение объединенного польско-литовско-татарско-караимского войска на земли Тевтонского Ордена, сопровождавшееся обычными в таких случаях погромами, поджогами, грабежами, резней мирного населения и прочими «перегибами» - а никак не наоборот!) – обстоятельством представляется следующее. В битве под Танненбергом на стороне Тевтонского Ордена участвовали во главе своих войск два знатных польских князя, находившихся в близком родстве с древнейшей польской династией Пястов – Казимир V Щецинский (происходивший по другой линии от знаменитого поморского князя Святополка, являвшегося первоначально союзником Ордена, а затем, в период «великого восстания» пруссов в конце XIII в. переметнувшегося на сторону восставших, чтобы, в конце концов, все же вновь примириться с Орденом) и Конрад VII Олесницкий (по прозвищу «Белый»). Именно щецинский князь прислал польскому королю Владиславу Ягелло своего герольда с двумя знаменитыми мечами, тем самым вызывая его и Витовта на бой от имени Верховного магистра, маршала, рыцарей и союзников Ордена Пресвятой Девы Марии! Присылкой вражеским вождям мечей князь Казимир хотел «придать им мужества, которого, по его мнению, у них обоих было мало»!

Впрочем, существует более прозаическая версия – орденское войско устало ждать наступления врага на солнцепеке, поскольку жаркое июльское солнце раскаляло боевые доспехи. Во всяком случае, отказаться после столь дерзкого вызова своего же «соплеменника» (хотя **какое отношение недавно крещеный литвин, в сущности, имел к древним польским Пястам!**?) означало бы для свежее испеченного польского короля «потерю лица».

Впрочем, его ответ был преисполнен глубочайшего христианского смирения (возможно, напускного, хотя – кто знает?): «Мы никогда не просили помощи ни у кого, кроме Бога. И примем эти мечи от Его имени»... **Оба польских «тевтона» сражались против «своих» же братьев-славян «аки львы», были взяты поляками в плен и пощажены, в рассуждении своего высокого происхождения, как Пясты по крови, и, надо думать, высокой платежеспособности своей родни (но скорее всего – еще и потому, что их поведение, с точки зрения тогдашних понятий о воинской и рыцарской чести считалось совершенно нормальным!)** О судьбе менее богатых и знатных «тевтонских славян» из дружин обоих Пястов история, впрочем, умалчивает.

В то же время, **ливонский «филиал» Тевтонского Ордена**, вопреки утверждениям польского летописца Яна Длугоша (считающегося у нас – хотя он не был современником событий и писал о них по прошествии более чем полувека! – почти таким же непререкаемым «источником истины», как известный роман Генрика Сенкевича «Крестоносцы», не говоря уже о снятом по этому роману одноименном двухсерийном блокбастере!), об участии в битве «ливонских рыцарей под собственной хоругвью», поступил совершенно «не патриотично» и, несмотря на слезные мольбы Верховного магистра о помощи, **не прислал под Танненберг ни одного рыцаря**, ни одного, даже самого завалящего кнехта, поскольку **ландмейстер (провинциальный магистр) Тевтонского Ордена в Ливонии Конрад фон Фитингофен предусмотрительно заключил с Витовтом сепаратное перемирие, которое не пожелал нарушать!** И не нарушил! Причем формально даже имел на это полное право.

Дело в том, что брат **Ульрих фон Юнгинген вел войну с Ягайлой и Витовтом** не в качестве Верховного магистра всего Ордена Пресвятой Девы Марии Тевтонской в целом, а всего **лишь в своем качестве магистра Ордена в Пруссии!** Не прислали ни одного воина в помощь своим прусским собратьям по Тевтонскому Ордену и его комтурства, расположенные в Германии. Оттуда в качестве добровольцев прибыло – исключительно по долгу совести! – лишь некоторое количество рыцарей-мирян, в Ордене не состоявших.

Изо всех вышеприведенных фактов явствует, что в действительности воображаемая «война славян с немецкими агрессорами» была обычной «файдой» - феодальной распрей, какими пестрит история Средневековья, хотя и принявшей немалые масштабы по размаху сил и средств, задейст-

вованных с обеих сторон - 51 «хоругвь»¹ (до 3 000 рыцарей, столько же оруженосцев, около 6 000 пехотинцев и несколько бомбард, стрелявших каменными ядрами) в войске Верховного магистра; 91 «хоругвь» - в войске его противников.

Мы не будем касаться в данном сжатом очерке всех перипетий этой многократно описанной «битвы 35 народов». Обратим внимание только на одно интересное обстоятельство - **войско вчерашних язычников Ягайлы и Витовта шло на войско Ордена Пресвятой Девы Марии под торжественное пение молитвы Ей же, Пречистой Деве: «Богородице Дево радуйся...»**. В этом было что-то роковое по силе своей неизбежности. И тут не помогли ни свинцовые и каменные ядра орденских бомбард, ни удар 15 хоругвей маршала Ордена Шварцбурга и фон Валленроде на левом фланге, с копьями наперевес, под градом татарских стрел, отскакивавших от рыцарских лат, разметавших конницу Джелал-эд-Дина и опрокинувших Литву под звуки ликующего пасхального песнопения: **«Христос воскрес»**... Преследуя бегущих литовцев, левое крыло тевтонов натолкнулось на упорное сопротивление трех русских хоругвей смоленского князя Симеона Лингвена Ольгердовича (брата короля Владислава Ягелло), сломить которое Валленроде оказался не в состоянии. На выручку ему подоспел Лихтенштейн со своими австрийцами. Две смоленских хоругви были изрублены, но тут в дело вступили свежие польские резервные войска и в центре польского боевого порядка разгорелась жестокая сеча вокруг большого – красного, с белым одноглавым орлом - королевского знамени (Великой Краковской хоругви), несколько раз переходившего из рук в руки. Долгое время стрелка весов колебалась, несмотря на численное превосходство поляков, и, возможно, тевтоны одержали бы верх в этой битве, если бы не **измена в их собственных рядах (обстоятельство, упорно игнорирующееся отечественными историками!)**. В оглушительном грохоте, лязге и шуме тогдашних сражений команды были практически не слышны и потому их заменяли сигналы, подаваемые значками и знаменами. **Знаменосец рыцарей Кульмерланда, или Кульмской (Хелминской) земли – вассалов Тевтонского Ордена – Никель фон Ренис, подал своим соратникам ложный знак к отступлению, чем вызвал большую сумятицу в рядах орденских войск**. Заметив, что враги пришли в замешательство и показали спину, Витовт мгновенно среагировал и атаковал отступающих ленников Ордена. Услышав всеобщий ликующий крик: **«Литва возвращается!»**, приободрились и поляки.

¹ Термин «хоругвь» в описываемую эпоху имел два значения: 1) знамя (в данном случае – знамя военного отряда); 2)выступавший под собственным знаменем военный отряд неопределенной численности – от 10 до нескольких десятков «копий» («копьем» именовалась боевая единица, насчитывавшая, в зависимости от богатства своего предводителя, от 5-6 до нескольких десятков конных и пеших бойцов); так, польские хоругви в битве под Танненбергом насчитывали в среднем по 200 конных и по 1000 пеших воинов каждая).

В отчаянной попытке переломить ход событий Верховный Магистр ввел в бой свой последний резерв – 16 отборных хоругвей, но вырвался далеко вперед, потерял в схватке шлем и был ранен в лицо и в грудь. Версии относительно его гибели расходятся. По одной из версий, наиболее распространенной (и принадлежавшей Яну Длугошу), конь Верховного магистра был ранен, а сам он выбит из седла и погиб под градом ударов разъяренных литовцев (один из которых якобы ранил его в шею или в рот – здесь версии расходятся! – рогатиной или метательным копьём-сулицей).

По другой версии злополучный Ульрих фон Юнгинген был насмерть сражен польским рыцарем Добиславом, поразившим его копьём в затылок. По третьей, у магистра имелась возможность бежать с поля боя, но он якобы гордо заявил: «Не дай мне Бог оставить это поле, на котором погибло столько доблестных мужей!». В любом случае – глава тевтонов «крепко помер», говоря словами одного павловского гренадера о гибели своего государя... Дело в том, что Ульрих фон Юнгинген, давно уже страдавший тяжелейшим глазным заболеванием – катарактой – на момент битвы при Танненберге почти полностью потерял зрение. Скорее всего, он сознательно искал гибели в бою, не желая окончить жизнь беспомощным слепцом. Данное предположение подтверждается, в частности, судьбой другого доблестного рыцаря-вельможи – короля Богемского и Императора Священной Римской Империи Иоанна Люксембургского. Пораженный слепотой, последний отрекся от римской и богемской короны в пользу своего сына Карла (знаменитого впоследствии чешского короля и кайзера Карела IV), а сам простым рыцарем вступил в армию французского короля (Франция в то время вела с Англией Столетнюю войну) и погиб в битве при Пуатье в 1356 г., бросившись очертя голову, в гущу английских войск, «не посрамив своей рыцарской чести и славного имени предков низким деянием и смертью бесславную не запятнав».

В жестокой сече вместе со своим магистром сложили головы маршал Шварцбург, Великий комтур Лихтенштейн и все прочие верховные вельможи Ордена («гроссгегбитигеры»), за исключением Великого госпиталяера Вернера фон Теттингена, которому удалось бежать с поля битвы. Вместе с ними «испили единую смертную чашу» 203 орденских рыцаря, «а прочих – бесчисленное множество», как принято писать в подобных случаях. Трое вельмож Тевтонского Ордена - Генрих Шаумбург, фогт (бальи) орденской провинции Самбия, Юрген Маршалк – оруженосец Верховного магистра, и комтур (командор) Бранденбурга Марквард фон Зальцбах были взяты в плен и убиты уже после окончания битвы.

Об убийстве Шаумбурга и Маршалка сообщается что его причиной послужило якобы их дерзкое поведение. Что же касается комтура фон Зальцбаха, то Витовт при виде его, якобы, сказал по-немецки только: «Du bist hi Markward...» («Вот ты где, Марквард...»), после чего, вопреки возражениям короля Владислава, велел его обезглавить. Некоторые историки склонны объяснять случившееся тем, что в предшествовавший период «сердечной дружбы» Витовт с Орденom и вражды его с Ягайлой, Витовт

снабжал Орден ценной информацией именно через Маркварда и потому стремился побыстрее избавиться от него, как от нежелательного свидетеля своих прежних интриг против Ягайлы.

Общее число убитых (с обеих сторон) составило не менее 5 000. Всего лишь 1400 с небольшим рыцарям и кнехтам из состава разгромленного орденового войска (в том числе 77 стрелкам) удалось добраться до столицы Ордена – Мариенбурга. Туда же по приказу короля Владислава были с почетом отправлены в специальной повозке тела Верховного магистра и его соратников, одетые в чистые белые саваны. 19 июля 1410 г. они были погребены в часовне Святой Анны Мариенбургского замка. 51 хоругвь тевтонских рыцарей, их вассалов, «гостей» и союзников, захваченные поляками, были перенесены в Краковский кафедральный собор, где их можно было видеть еще в 1603 г.; позднее хоругви бесследно исчезли в ходе смуты, охватившей Польшо-Литовское государство.

Что же касается судьбы вероломного кульмского рыцаря Никеля фон Рениса, которого все орденовые летописцы единогласно объявляют виновником поражения, то он и после танненбергского разгрома продолжал свои интриги против Ордена. Дело в том, что именно Никель фон Ренис (имевший герб, рассеченный в червель и серебро, с серебряным оленьим рогом на красном и с красным бычьим рогом на серебряном поле – см. рис.), войдя в преступный сговор с 4 другими рыцарями из числа кульмских вассалов Тевтонского Ордена, еще в 1398 г., за 12 лет до Танненберга, основал тайный «Союз ящериц(ы)» (Eidechsenbund), первоначально в целях борьбы с усилением все возрастающего влияния торговых городов в прусском орденом государстве. Но со временем «рыцари ящерицы», недовольные введением все новых налогов и податей, связанных с ростом расходов на оборону орденовых владений вследствие уменьшения числа добровольцев-«паломников» из Западной Европы, начали действовать и против власти Тевтонского Ордена, завязав тайные сношения с польским королем, от которого надеялись получить столь же большие привилегии и самостоятельность, как и те, которыми пользовалась польская и литовская шляхта. После Танненберга кульмские рыцари-члены «Союза ящериц(ы)» стали готовить заговор против нового Верховного магистра Генриха фон Плауэна. Им удалось вовлечь в свои сети и некоторых орденовых рыцарей высокого ранга – например, комтура замка Реден. Однако среди заговорщиков оказались предатели, выдавшие их планы орденовому руководству. Заговор был разгромлен, а злокозненный Никель фон Ренис выслежен, схвачен и казнен по приговору орденового суда. На некоторое время катастрофу удалось отсрочить...

А победители при Танненберге – «братья-славяне» поляки и литовцы теперь могли беспрепятственно давить «своих» православных и опустошать Московскую Русь огнем и мечом так, как никаким тевтонам или меченосцам и не снилось. И в этой связи возникает довольно интересный вопрос: почему, собственно, в православном массовом сознании столь прочно вкоренилось представление о «Крестовых походах» и «крестоносцах» вообще и

рыцарях военно-монашеских Орденов – в частности, как о специфическом порождении католицизма, причем о таком порождении, которое заведомо трактуется как нечто неприглядное, враждебное Руси и Православию и якобы «порочащее» латинский Запад? Представляется необходимым заметить, что все подобные «пункты обвинения» в отношении католицизма в православной среде возникли сравнительно недавно. Достоподлинные православные христиане древних времен безо всяких колебаний знали, что всякий, именующий себя христианином, есть уже тем самым одновременно и крестоносец. Они знали, что крестоносный подвиг отнюдь не является монополией только чад Западной церкви (пример – походы Велико-го князя Киевского Владимира Мономаха в XII в. на половцах, когда княжеским ратям предшествовало православное духовенство с крестами, иконами и церковными хоругвями (как оно предшествовало и воинству православной Восточной Римской Империи – Византии – столетиями служившей щитом христианской Европы от враждебных Святому Кресту кочевых азиатских орд!). Но и к католикам, взявшим ратный Крест Христов, отношение на православном Востоке в классическую эпоху религиозного мировоззрения разительно отличалось от нынешнего. Так, древнерусский летописец XII в. не усомнился признать **немцев-католиков, ходивших в III Крестовый поход биться за освобождение Живоносного Гроба Господня, не «псами-рыцарями» (как Карл Маркс!), а «святыми мучениками, проливавшими кровь свою за Христа».** В этой связи представляется не лишним полностью воспроизвести данный летописный фрагмент:

«В то же лето идее цесарь Немецкий (речь идет об Императоре Фридрихе I Барбароссе, с именем которого впоследствии в Западной Европе было связано множество свидетельств о Последнем Царе, что нельзя не признать крайне важным в контексте наших рассуждений – В.А.) со всею своею землею битися за Гроб Господень, проявил бо бьашеть ему Господь ангелом, веля ему ити. И пришедшим им и бьющимся крепко с богостудными тыми агаряны. Богу же тако попустившу гнев Свои на весь мир...и преда место святыня Своя иноплемеником. **Сии же немци яко мученици святи прольяха кровь свою за Христа со цесари своими. О сих бо Господь Бог наш знамена прояви, аще кто от них в брани от иноплемennyх убьени быша, и по трех днех телеса их невидимы из гроб ангелом Господним взята бывахуть. И прочии видяше се тосняхуться пострадати за Христа, о сих бо воля Господня да сбьысться, и причте яко избранному Своему стаду в лик мученицкый».** («Киевская летопись», ПСРЛ, т. 2, СПб., 1908).

Мало того! На Православной Руси, в Воскресенском соборе воздвигнутого во 2-й половине XVII в. Патриархом Московским и всея Руси Никоном Ново-Иерусалимского монастыря (являвшемся точной копией Храма Живоносного Святого Гроба Господня в «старом», палестинском Иерусалиме), находятся, между прочим, символические гробницы католических правителей основанного западными крестоносцами в 1100 г. Иерусалим-

ского королевства – «охранителя Святого Гроба» Готфрида Бульонского и его брата, первого короля Иерусалима Балдуина Булонского. А ведь XVII век традиционно считается веком достаточно большой «отгороженности» Московской Руси от «еретического» Запада. Тем более полезно будет нам вчитаться в надгробные эпитафии этим двум крестоносным христианским государям – и увидеть, что крестоносные идеалы были по-прежнему близки православному народу Святой Руси. Эти эпитафии были переведены на русский язык знаменитым келарем Троице-Сергиева монастыря – иеромонахом Арсением Сухановым, составившим так называемый «Проскинитарий» («Поклонник Святых мест»). Этот труд (содержащий подробное, с обмерами, описание храма Гроба Господня в Иерусалиме) послужил руководством при сооружении Воскресенского собора в Ново-Иерусалимском монастыре при патриархе Никоне.

Итак, вот описание Воскресенского собора:

«На плите справа от портала Предтеченской церкви читаем: на сем месте тамо гроб, о нем же пишет еще: Царь Болдвинов был второй Иуда Маккавеос, надежда и упование Отечеству, крепость церковная, красота Церкви и Отечеству. Его же вси боялись и вси дань давали: государь Египетский, мучитель Дамаску. Ох, увы мне. В том малом трилокутном гробе затворен есть». Слева от портала находилась плита со второй эпитафией. Вот ее текст: «Зде лежит славный Готфридус Булион, иже ту всю землю взял для веры, и душу его Бог покоит в мире. Аминь».

И вообще, для уразумения метафизики Крестовых походов имеет смысл сопоставить их с «обыкновенными» и всем нам хорошо знакомыми **крестными ходами**. Вот что писал о метафизике крестного хода святитель Митрополит Филарет Московский:

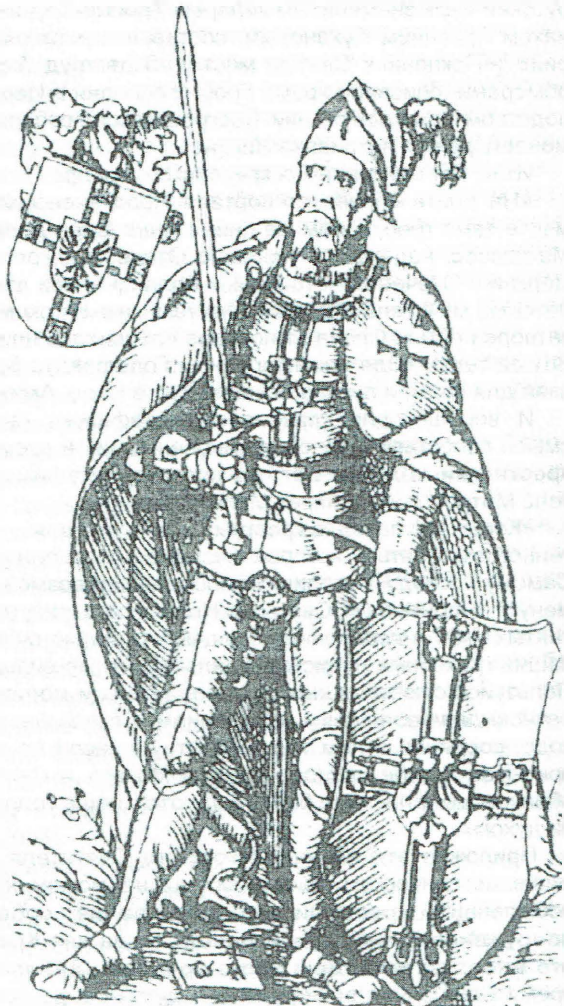
«Когда вступаешь в крестный ход, помышляй, что идешь под предводительством Святых, которых иконы в нем шествуют, и приближаешься к Самому Господу, поколику немощи нашей возможно. Святыня земная знаменует и призывает Святыню Небесную. Присутствие Креста Господня и святых икон и кропление освященною водою очищает воздух и землю от наших греховных нечистот, удаляет темные силы и приближает светлые. Пользуйся сею помощью для твоей веры и молитвы и не делай ее бесполезною для тебя твоим нерадением. Слыша церковное пение в крестном ходе, соедини с ним твою молитву, и если по отдалению не слышишь, призывай к себе Господа, Божию Матерь и Святых Его известным тебе образом молитвы... Не беда, если отстанешь телом, не отставай от Святыни духом».

Приложив эти слова московского Святителя к рассмотренным нами выше историческим примерам, мы не можем не прийти к выводу, что «обыденный» **крестный ход представляет собой не что иное, как невооруженный Крестовый поход, тогда как Крестовый поход есть не что иное, как крестный ход с оружием**. Это «паломничество» и в то же время Священная война – война духовная до такой степени, что ее буквально можно сравнить с пророчествами об очищении огнем, подобным

огню чистилища, перед смертью. Как говорил Бернар Клервоский «бедным рыцарям Христа и Храма Соломонова»: «Великая слава выйти из битвы, увенчанным лаврами. И великая слава обрести на поле битвы венец бессмертия». Целью крестоносного паломничества был Святой град Иерусалим в своем двойном аспекте как **град земной и небесный**, и **крестовый поход** рассматривался его участниками как **восхождение, ведущее прямо к бессмертию и жизни вечной**.

Как вожди, так и рядовые участники крестовых походов первоначально испытывали удивление, смятение, но, пережив кризис веры, приходили потом вследствие его преодоления к очищению идеи Священной войны от всех элементов материализма.

Поэтому даже неудача крестоносного предприятия сопоставлялась со значением этой задачи, которая оценивалась и вознаграждалась только по отношению к неземному пути. На этом сосредотачивалась, независимо от победы или поражения, оценка действия в его духовном аспекте. Священная война обретала ценность сама по себе, независимо от ее видимых результатов, как средство достижения сверхчеловеческих целей путем активного самопринесения в жертву человеческого элемента.

**Опыт блазонирования гербовых хоругвей
рыцарей Тевтонского (Немецкого) Ордена, их вассалов,
«гостей» и союзников,**

захваченные поляками в битве под Танненбергом 15 июля 1410 г.:

1. Великая (Большая) хоругвь Верховного магистра (Гохмейстера) Тевтонского Ордена с тремя косицами (золотой, с черной каймой, костыльный «иерусалимский» крест с должностным гохмейстерским гербом, изображавшим одноглавого черного орла на золотом поле (см. рис.) – символ достоинства князя Священной Римской Империи, неразрывно связанного с должностью Гохмейстера со времен Императора Фридриха II Гогенштауфена – украшал не только Большую и Малую хоругви, но и белое полукафтанье Верховного Магистра Ордена Пресвятой Девы Марии Тевтонской). На некоторых миниатюрах и гравюрах изображение на Большой хоругви Гохмейстера повернуто «на 90 градусов».

2. Малая Хоругвь Верховного магистра (аналог. 1, но хоругвь без косиц).

3. Хоругвь Тевтонского Ордена («гербовое» - белое, с прямым черным крестом, знамя Ордена; первоначально оно было просто белым, без эмблем; имеются упоминания и о другом, Главном знамени Ордена с изображением Пресвятой Девы с Богомладенцем Иисусом на руках, но присутствие его на поле битвы под Танненбергом не засвидетельствовано хронистами).

4. Хоругвь князя Конрада VII «Белого» Олесницкого (одноглавый черный орел, обремененный серебряным полумесяцем, в золотом поле).

5. Хоругвь померанского (поморского) князя Казимира V Щецинского (знамя-гонфанон с изображением червленого грифона в серебряном поле – старинного герба поморских князей со времен Святополка).

6. Хоругвь Святого Георгия (знамя-гонфанон; его необычная расцветка – прямой серебряный крест на красном поле, вместо традиционного для «знамени Святого Георгия» красного креста на серебряном поле, объясняется тем, что в польско-литовском войске также имелась состоявшая из «гостей» хоругвь Святого Георгия, традиционной расцветки). В то же время известно, что военное знамя Императоров средневековой Священной Римской Империи было также красным, с прямым серебряным крестом (потому их вассалы – например, датские короли, швейцарцы и др. – также использовали в качестве знамен и флагов серебряный крест на красном поле).

7. Хоругвь епископа и епископства Помезанского (золотой одноглавый орел в нимбе – символ св. Евангелиста Иоанна – с серебряным свитком в лапах и с двумя золотыми епископскими посохами по бокам, в червленом поле).

8,45. Хоругви комтурства Рагнитского и городка Рагнит (три красных колпака в столб, на серебряном поле).

9. Хоругвь епископа и епископства Самбийского (скрещенные красные меч острием вниз и епископский посох в серебряном поле).

10. Хоругвь епископа и епископства Эрмландского (Вармийского) – знамя-гонфанон с изображением серебряного агнца с обращенной назад головой в нимбе, с крестным знаменем; изливающего из кровоточащей язвы на груди кровь в серебряную чашу, в красном поле, на серебряной траве.

31. Хоругвь комтурства Шлохауского и городка² Шлохау (Члухов) – аналог. 10.

11. Хоругвь Великого комтура Тевтонского Ордена Конрада фон Лихтенштейна (дважды пересеченная в червлень и серебро; ее красно-бело-красная расцветка аналогична расцветке австрийского флага, что объясняется двумя причинами: австрийским происхождением самого Великого комтура и тем, что в составе данной хоругви сражались его земляки – «гости» Тевтонского Ордена из австрийской земли).

12. Хоругвь г. Кульм (Хелмно) – знамя-гонфанон с черной главой и опрокинутым черным латинским крестом в верхней части, дважды пересеченное волнообразными перевязями в серебро и червлень.

13. Хоругвь Великого казначея (скарбника) Тевтонского Ордена (должностной герб орденского казначея – серебряный ключ вправо бородкой вверх в красном поле).

14. Хоругвь комтурства Грауденцкого и городка Грауденц (обращенная прямо черная бычья голова с золотыми бровями и ноздрями, серебряными рогами и серебряным же кольцом в ноздрях, на белом поле).

15. Хоругвь комтурства Бальгского и городка Бальга (червленая стоящая лисица с высунутым языком на серебряном поле, с правым черным боковиком).

16. Хоругвь комтурства Шензееского и городка Шензее (две красные рыбы в кольцо на серебряном поле).

17. Хоругвь г. Кенигсберга (знамя-гонфанон с изображением восстающего серебряного богемского, или чешского, льва в золотой короне на красном поле – в память об основателе города – чешском короле Оттокаре II Пшемисле; гербовое знамя Тевтонского Ордена – прямой черный крест на серебряном поле – в главе хоругви).

18. Хоругвь комтурства Альтгаузского (четвертованная в чернь и серебро – цвета Тевтонского Ордена).

19. Хоругвь комтурства Тухельского и городка Тухель (Тухоль) – четырехжды рассеченная в серебро и червлень.

20. Хоругвь комтурства Нессауского и городка Нессау (Нешава) – дважды рассеченная в чернь и серебро.

² «городками» в данном случае именуется поселения городского типа, возникшие вокруг замков, основанных тевтонскими рыцарями, но не обладавшие городским самоуправлением по Магдебургскому праву и управлявшиеся, вместо бургомистра и магистрата, должностными лицами Тевтонского Ордена; отказ высшего орденского руководства предоставить «городкам» самоуправление был одной из причин смут, мятежей и внутренних распрей, разрушивших, с течением времени, орденское государство в Пруссии.

21. Хоругвь рыцарей-крестоносцев («гостей» Ордена) из Вестфалии (две красные скрещенные оперенные стрелы остриями вверх на серебряном поле).

22. Хоругвь баллея (бальяжа) Роттенгаузенского и городка Роттенгаузен (три серебряные геральдические розы с золотой сердцевинкой, в красную перевязь справа, на серебряном поле).

24. Хоругвь комтурства Энгельсбергского и городка Энгельсберг (серебряный ангел с черными волосами и лицом телесного цвета, в красном поле; типичный пример «говорящего герба» - название комтурства и городка означает, в переводе с немецкого, «ангельская гора», по имевшему там место видению ангела, явившегося орденским братьям-основателям).

23. Хоругвь комтурства Данцигского и г. Данцига (два серебряных лапчатых креста в столб на красном поле – герб г. Данцига).

25. Хоругви комтурства Страсбургского и городка Страсбург (Бродницы) – красный бегущий олень в серебряном поле.

26. Хоругвь замка Братиан и городка Неймаркт (три коричневых оленьих рога в триветру в серебряном поле).

27. Хоругвь г. Брунсберг (пересеченная в серебро и чернь, с черным лапчатым крестом в серебряном и с серебряным лапчатым крестом - в черном поле).

28. Хоругвь немецких рыцарей-крестоносцев («гостей» Ордена) из Франконии – скрещенные красная стрела и арбалетный болт оперением вниз, в серебряном поле.

29. Хоругвь швейцарских рыцарей-крестоносцев («гостей» Ордена) – серебряная стоящая лисица с высунутым языком, в червленом поле.

30. Хоругвь комтурства Лескенского и городка Лескен (дважды пересеченная в червленый, серебро и чернь; данный факт, кстати, опровергает широко распространенное заблуждение, будто «все средневековые флаги были двуцветными и положение изменилось лишь после Нидерландской революции, когда был впервые введен трехполосный трехцветный флаг»!).

32. Хоругвь городка Бартенштейн (знамя-гонфанон с изображением серебряного лезвия топора вправо в черном поле с серебряной главой).

33. Хоругвь комтурства Остеродского и городка Остероде (четвертованная в червленый и серебро).

34. Хоругвь прусских рыцарей-вассалов Ордена из Кульмской земли (Кульмерланда) – аналог. 12, но с черным прямым латинским крестом в верхней части и с тремя красными столбами в левом верхнем углу; именно этой хоругвью рыцарь-изменник Никель фон Ренис подал своим соратникам ложный сигнал к отступлению, вызвавший замешательство, а затем – сумятицу и хаос во всем орденском войске.

35,42,43. Хоругви комтурства Эльбингского и г. Эльбинг (Эльблонг) – пересеченные в серебро и червленый, с прямым красным крестом в серебряном и с прямым же серебряным крестом – в красном поле).

36, 38. Хоругви немецких рыцарей («гостей» Ордена) из Северной Германии (знамена-гонфаны, серебряные, с черной перевязью справа).

37. Хоругвь комтурства Торнского и городка Торн (Торунь) – знамя-гонфанон с изображением красного замка с тремя башенками с окнами черного цвета, с раскрытыми черными воротами с поднятой серебряной решеткой и растворенными золотыми створками, в серебряном поле.

39. Хоругвь городка Меве (скрещенные серебряные стрела и арбалетный болт оперением вниз в красном поле).

40. Хоругвь городка Гейлигенбейль (аналог. 32, но лезвие топора несколько уже).

41. Хоругвь комтурства Брунсбергского (у хрониста Яна Длугоша ошибочно названа «хоругвью комтурства Брауншвейгского») – красный, с серебряными полосами, восстающий лев с золотой короной, в лазурном поле – герб Тюрингии, в память об основателе Брунсберга – ландграфа Конрада Тюрингского, Верховного Магистра Тевтонского Ордена в 1239-1240 гг.

44. Хоругвь городка Ортельсберг (Щитно) – скошенная справа в червь и серебро.

46. Хоругвь г. Книпгоф (Кнейпгоф), со временем слившегося с Кенигсбергом (золотая чешская королевская корона в серебряном поле и прямой серебряный крест в красном поле - что в сочетании опять-таки дает геральдические цвета Богемии-Чехии – напоминание об основателе города – чешском короле-крестоносце Оттокаре II Пшемисле).

47. Хоругвь рыцарей-крестоносцев - «гостей» Ордена - из Рейнской области Германии (дважды пересеченная в золото, серебро и червь; у Яна Длугоша ошибочно названа «хоругвью ливонских рыцарей», хотя братья-рыцари Тевтонского Ордена из Ливонии в битве при Танненберге не участвовали, поскольку их глава – ландмейстер Тевтонского Ордена в Ливонии Конрад фон Фитингофен – заключил сепаратный мир с Витовтом; к тому на хоругви ливонских рыцарей были изображены, с одной стороны – Небесная покровительница Ордена - Пресвятая Богородица с младенцем Иисусом на руках, а с другой – святой мученик Маврикий с орденским щитом и копьем святого Лонгина).

48. Хоругвь баллея (бальжа) Дишауского и городка Дишау – четырехкратно рассеченная в чернь и серебро.

49. Хоругвь г. Альт-Аппенштейн (Старый Ольштын) – дважды пересеченная в чернь, серебро и червь, цветов рода фон Паннвиц.

50. Хоругвь рыцарей-крестоносцев («гостей» Ордена) из Мейсена (четвертованная в лазурь и червь – геральдические цвета маркграфства Мейсенского).

51. Хоругвь комтурства Бранденбургского и городка Бранденбург (одноглавый червьелый бранденбургский орел в серебряном поле – в память об основании маркграфом Бранденбурга одноименного замка на землях Тевтонского Ордена в ходе крестового похода).

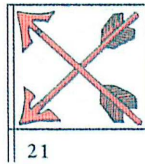
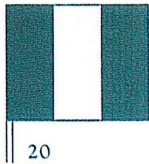
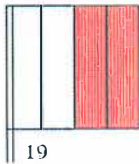
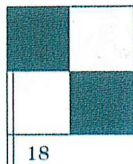
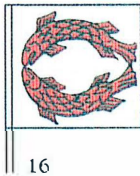
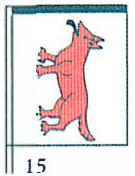
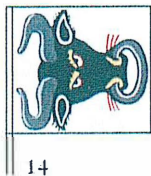
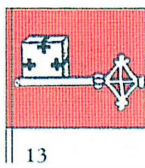
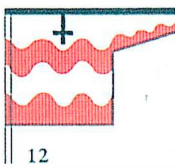
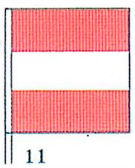
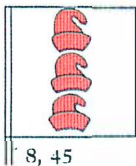
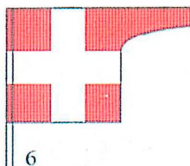
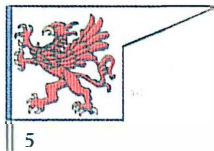
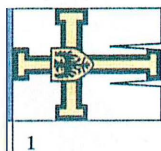
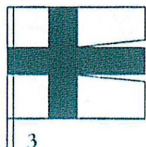
Карта 1.

Карта 2.

МИФЫ ТАННЕНБЕРГА

(см. стр. 78)

22

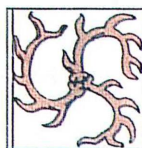
23

24

25

26

27

28

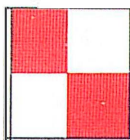
29

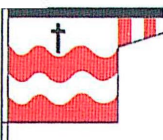
30

32

33

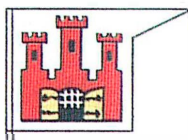
34

35, 42, 43

36, 38

37

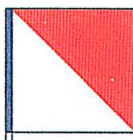
39

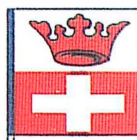
40

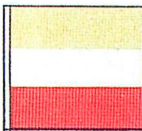
41

44

46

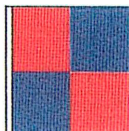
47

48

49

50

51